

Дэвид вошел в небольшой склад, который арендовал последние шестнадцать лет. Долгую минуту он смотрел на имущество. Ствол, покрытый пылью. Его «Молния» в углу небольшого помещения. Одна коробка, которую он знал, содержала всю его старую школьную одежду. Другой держал свои старые учебники. Еще одна содержала старые тесты, заметки и домашние задания.

Наконец он тяжело опустился на свой старый школьный сундук. В руке он держал ответ Кортни Гарри Поттеру.

Он боялся ее открыть. Боялся, что она захочет узнать правду. Боялся, что она этого не сделает.

Он взглянул на часы. Он получил две неожиданные отмены встреч, так что у него было добрых три часа до того, как он кому-нибудь понадобится. У него было время. Он убедился, что его пейджер и мобильный телефон включены, а затем открыл письмо.

Дорогой мистер Поттер,

Благодарю Вас за оперативный и вежливый ответ на мои вопросы.

Чтобы ответить на ваш вопрос, я хочу знать. Я не сомневаюсь, что это ужасно. Я не сомневаюсь, что это жестоко.

Но вы думаете, что только волшебники могут быть жестокими? Как я уже говорил, я магглорожденный. Я видел в маггловском мире жестокость, которая могла бы сравниться с чем угодно в волшебном мире. Несколько лет назад моя семья поехала в отпуск в Америку. Находясь в Вашингтоне, округ Колумбия, мы посетили там музей Холокоста.

Я заболел, и меня вырвало после того, как я был там. Но я не жалею, что ушел. Я думаю, что цели музея в меньшей степени применимы к тому, что случилось с вами. Прошное надо помнить. Его необходимо изучить и обсудить с точки зрения его влияния на настоящее. Мне нужно знать, чтобы действовать как ответственный гражданин волшебного мира.*

Тем не менее, я надеюсь, что вы расскажете мне свою историю. Даже если вам сейчас неудобно делиться этим, я благодарю вас за то, что вы мне сказали.

Я жду вашего ответа.

Искренне,

Кортни Барнс

Дэвид дважды прочитал письмо, вспомнив случай, о котором говорила Кортни. Ее

действительно вырвало после экскурсии по музею. И он, и Кэтрин очень сожалели, опасаясь, что им нужно было подождать, пока она не станет старше. Теперь она говорила, что рада, что ушла.

Дэвид положил письмо обратно в карман и задумался на несколько минут. Затем он медленно встал и повернулся, чтобы открыть свой старый сундук.

Он порылся в нем в поисках нескольких картинок, предметов и документов и, найдя их, вытащил свои старые наборы пергамента, чернил и перьев.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, как пользоваться пером и чернильницей (он был удивлен, что чернила не высохли, но потом решил, что это, должно быть, заклинание), достаточно скоро оно вернулось, и он составил свой ответ.

Кортни проворчала, получив оценку за контрольную по Чарам. Откуда ей было помнить, что амулет был Вингардиум Левиоса, а не Вингардиум Левиос 1а? Между ними практически не было разницы! Она сунула тест в сумку и поплелась на Историю Магии.

«Всем привет! Сегодня у нас неожиданная оценка». — сказала профессор Грейнджер, когда все студенты расселись. «Я хочу, чтобы вы взяли пергамент и точно написали, что вы уже узнали о человеке, которого решили изучить». Было много стонов, но она просто продолжила: «Все вы должны были узнать хотя бы несколько вещей. Это может быть просто список фактов или полный абзац. Я хочу знать, что вы работали над своим проектом».

Кортни замерла. Что она должна была написать? Все, что она узнала до сих пор, было вещами, которые она знать не должна. Она уж точно не хотела выдавать, что вела переписку с Гарри Поттером!

В конце концов, она просто записала то, что сама профессор сказала о Гарри Поттере на их первом уроке. Она не стала напоминать профессору, что уже знала, что Гарри обвиняют в убийстве. Быстро записав его, она включила его и читала, пока другие ученики не закончили. Собрав пергамент всех остальных, профессор Грейнджер начала лекцию об основании Международной конфедерации волшебников и ее основании, а также о том, почему Лихтенштейн не хотел быть ее членом...

Кортни была рада, когда урок закончился. Каким бы милым и хорошим учителем ни был профессор Грейнджер, казалось, что предмет все еще будет тянуться вечно.

У нее было немного свободного времени перед ужином, поэтому она сложила свои вещи в спальне и вышла на улицу. Был удивительно теплый полдень. Постепенно становилось холоднее, и это был, вероятно, последний хороший день перед тем, как наступит зима. Ветер начала октября шелестел коричневыми и красными листьями.

Кортни направилась к своему любимому месту: заднему крыльцу старой хижины на краю

Запретного леса. Больше никто туда не возвращался. Она смутно задавалась вопросом, почему хижина была здесь. Он был старым и заброшенным — или, по крайней мере, она никогда никого не видела внутри — и, честно говоря, это было бельмом на глазу. Она пожала плечами, глядя на участок, который когда-то мог быть садом. Слева от сада, всего в нескольких шагах от леса, сидел древний мертвый пенёк с большой выбоиной в нем, как будто кто-то только что решил зарыть топор в вершину.

Минут через двадцать она встала и повернулась к самой задней двери. Ей еще предстояло попытаться войти. Повернув ручку, она толкнула дверь и вошла.

Свет просачивался сквозь окна, отбрасывая вид на пыльную внутреннюю часть хижины. Это была всего одна комната. Вдоль одной стены стоял камин с большим черным котлом. Кровать с голым матрасом стояла в углу. Рядом стоял комод. Стол и три стула занимали большую часть центра комнаты. Шкафы вдоль стены над водяным насосом и раковиной.

У входной двери лежал старый ковер. Выглядело так, будто кто-то или что-то очень сильно его стерло.

Она задрожала от ощущения нетронутости хижины; она чувствовала, что вторгается в чье-то место. Она вышла обратно за дверь и закрыла ее.

Решив, что пора возвращаться в замок к ужину, она обошла хижину. В этот момент к ней подлетел Рекс и вручил ей письмо и пакет.

Забыв об ужине, она быстро развязала письмо и пакет, быстро поблагодарила свою сову и помчалась в гостиную Гриффиндора, где с нетерпением открыла письмо, отложив пакет на потом. Она была удивлена, обнаружив, что это написано на пергаменте, на самом деле на нескольких листах.

Дорогая Кортни,

Мне придется разбить свой рассказ на несколько писем, так как это было бы слишком долго и заняло бы слишком много времени, чтобы написать все сразу.

Как я уже говорил вам раньше, я жил со своими тетей и дядей. Тетя Петунья была сестрой моей матери, Лили Эванс. Однако я никогда не мог понять, как они могут быть сестрами. Я подозреваю, что Петунья всегда завидовала тому, что мама была ведьмой и обладала способностями, а она — нет. Дядя Вернон владел компанией Grunnings, которая производила и продавала дрели. У них был сын, который был на несколько месяцев старше меня, по имени Дадли.

В течение десяти лет моей спальней был шкаф под лестницей на Прайвет-драйв, номер четыре. Они не верили, что я достоин настоящей комнаты, а Дадли получил две.

Я никогда не подвергался физическому насилию, но мной пренебрегали и унижали.

За несколько недель до того, как мне исполнилось одиннадцать, я начал получать странные письма, написанные зелеными чернилами. Вернон продолжал уничтожать их и не давал мне читать...

Письмо продолжалось на страницах, рассказывающих о приключениях Гарри в течение первого года обучения. Она читала о том, как Рон, а затем и Гермиона стали его друзьями. Она прочитала о драконе Хагрида Норберте (поняв, наконец, что старая хижина принадлежала Хагриду). Она читала о его конфронтации в конце года.

В конверте она также нашла фотографию с его первой игры в квиддич и его письмо из Хогвартса в оригинальном зеленом конверте с адресом.

К тому времени, как она закончила читать, ужин был закончен, и люди возвращались в башню. Она быстро запихнула сверток в свою сумку, чтобы никто другой не поднял его.

— Кортни? Почему тебя не было на ужине? — спросила Анджела.

«Я получил письмо. Я хотел прочитать его».

— Ну, ты не голоден?

В животе Кортни заурчало, и она, смеясь, кивнула.

— Тогда пошли, папа показал мне, как пройти на кухню. Домовые эльфы смогут тебе что-нибудь дать.

Кортни последовала за своей подругой к изображению вазы с фруктами. Анжела пощекотала грушу, и появилась дверная ручка.

Войдя, они были встречены радостным визгом стареющего домового эльфа, одетого в какой-то очень странный наряд.

На эльфе был темно-бордовый свитер и желтые штаны. На голове у него была ярко-зеленая вязаная шапка, на нем был один красный носок и один носок, который, вероятно, когда-то был черным, но его столько раз стирали и залатывали, что он стал разноцветно-серым.

«Как Добби может помочь мисс?» — взвизгнул он.

«Кортни не было на ужине, Добби, ей нужно что-нибудь поесть».

Добби подпрыгнул на ступнях и щелкнул пальцами. Три домовых эльфа примчались из ниоткуда и через двадцать секунд плоские поставили тарелку с тарелкой супа, бутербродом и стаканом тыквенного сока перед Кортни, сидевшей за столом.

— И, — озорно сказала Анджела, — небольшой десерт для нас обоих?

Через восемь секунд два кусочка чизкейка уже ждали их на столе. Кортни ела, слушая болтовню Анжелы, а когда она закончила, они с Анджелой принялись за чизкейк.

"Спасибо, Добби, спасибо всем!" — сказала Кортни, выходя с Анжелой из кухни. Они поспешили обратно к башне, чтобы убедиться, что успеют до комендантского часа.

Позже той же ночью Кортни аккуратно упаковала письмо в чемодан вместе с первым письмом, которое она получила (забыв о пакете в своей сумке). Она записала несколько вопросов, которые у нее были, на отдельном листе пергамента и легла спать.

На следующее утро за завтраком незнакомая сова доставила ей письмо. Она взглянула на почерк на лицевой стороне, и ее глаза расширились. Это было еще одно письмо от Гарри Поттера. Она открыла его и начала тайком читать под столом.

Дорогая Кортни,

Я обнаружил, что не могу сосредоточиться на вещах, которые мне нужно сделать в данный момент, поэтому я могу заняться чем-нибудь продуктивным и написать вам. Писать тебе трудно, заново открывая воспоминания, которые я похоронил много лет назад. Однако, к своему собственному удивлению, я обнаружил, что не могу ненавидеть мир таким, каким он был тогда. Я не могу ненавидеть Рона Уизли и Гермиону Грейнджер за то, какими детьми они были тогда. Не поймите меня неправильно, я никогда больше не хочу видеть их лица. Я никогда не хочу говорить с ними снова. Я прожил без них шестнадцать лет и проживу без них совершенно счастливо остаток своей жизни. И я до сих пор ненавижу их за то, что они сделали со мной, но я не могу ненавидеть одиннадцатилетнего Рона Уизли, который пожертвовал собой на шахматной доске в натуральную величину. Я не могу ненавидеть одиннадцатилетнюю Гермиону Грейнджер, которая съезжилась в ванной, напуганная троллем.

Я вспоминаю, что было хорошо. Хотя я не хочу. Или, может быть, я знаю. Я даже сам этого не понимаю.

Как бы то ни было, лето перед моим вторым курсом было одним из худших за всю историю, в основном благодаря чрезмерно восторженному домашнему эльфу по имени....

Это письмо было еще длиннее первого. Кортни никак не могла закончить его до начала занятий, поэтому она взяла его с собой. Она взглянула немного вперед и заметила, что это письмо относится не только ко второму, но и к третьему году.

Она продолжала читать во время Защиты от Темных Искусств, в то время как она должна была читать мифы и правду о вампирах.

На полпути к уроку профессор Блэк похлопал ее по плечу. Вздвогнув, Кортни ахнула. Сириус Блэк пальцем поманил письмо, и ей пришлось отказаться от него.

«Пожалуйста, оставайтесь после занятий». — сказал он тихо, чтобы не мешать другим ученикам.

Почти впадая в панику при мысли о том, что кто-то еще читает одно из ее писем, Кортни не могла сосредоточиться на своем учебнике. Когда наконец прозвенел звонок, ей почти захотелось выбежать. Но она знала, что должна вернуть письмо.

Когда все остальные студенты ушли, профессор Блэк закрыл дверь и жестом пригласил Кортни подойти к ближайшему к его столу столу.

«Когда я даю задание в классе, я ожидаю, что ученики будут следовать моим инструкциям. Десять баллов с Гриффиндора, мисс Барнс».

"Да сэр." — сказала Кортни, глядя на письмо, лежавшее на его столе. Она туманно благодарила свою счастливую звезду за то, что он не снял с нее баллы на глазах у всех и не устроил зрелище, отняв у нее письмо, как это сделали бы некоторые другие учителя.

"Могу ли я спросить, что такого интересного в письме, что вы не могли дождаться, чтобы прочитать его в более подходящее время?" Очевидно, он видел только заголовок и самое большее первую строку.

Кортни поежилась: «Это от друга».

"Как давно вы получили письмо от этого друга?" — спросил профессор Блэк.

Кортни пробормотала свой ответ, зная, что профессор будет недоволен.

— Я этого не уловил, — терпеливо сказал он.

«День», — чуть громче сказала Кортни.

«Понятно. Я пока сохраню это», — он взял письмо и положил его в ящик стола. Он снова взглянул на нее и, неверно истолковав выражение ее лица, сказал: «Не волнуйтесь, у меня нет привычки читать чужую почту. Вы можете получить ее обратно в конце семестра».

"Но!"

«Мисс Барнс, я предлагаю вам пойти на следующий урок, пока не опоздали».

"Мне нужно это письмо, профессор!" — сказала она отчаянно.

Профессор Блэк поднял на нее брови.

«Я сказал, что ты можешь получить его обратно к концу семестра. И если ты действительно хочешь знать, что сказал твой друг, тогда напиши в ответ и спроси и расскажи о своем противном старом учителе, который не вернет его. Это к классу мисс Барнс».

«Но я не могу просить его написать все это снова! Он может перестать писать!» Кортни была близка к слезам.

Наконец, заметив, насколько искренне расстроена девушка, профессор Блэк сказал:
«Успокойся, дитя. Это не конец света! Что может быть такого важного?»

«Я не хочу потерять его доверие, профессор! Я был так удивлен, когда он ответил на мое письмо, что никому ничего не сказал на случай, если он остановится».

— Кто ребенок? Твой отец наконец принял тот факт, что ты ведьма? — спросил Сириус, вспомнив заявление Дэвида Барнса в ту ночь, когда он пришел, чтобы объяснить Кортни, что такое волшебный мир.

"Нет. Пожалуйста, могу ли я вернуть письмо?" — умоляла она.

«Скажи мне, почему это так важно, и я смогу».

«Это для моего проекта для профессора Грейнджер. Вы знаете, о ведьме или волшебнике. Мне нужно то, что написано в этом письме для проекта, который должен быть сдан до окончания семестра».

Лицо профессора Блэка потеряло всякий цвет, когда он понял, от кого должно быть письмо. Он знал, что Кортни Барнс была счастливой ученицей, получившей Гарри Поттера. Почерк в письме был смутно знакомым. Ее разговоры о доверии и о том, что «он» может перестать писать...

— Ты пишешь Гарри Поттеру? — прошептал он натужным шепотом.

Кортни несчастно кивнула.

Профессор Блэк сидел, уставившись на Кортни.

«Х... как ты...?»

Кортни вздохнула и ответила: «Я не знаю, почему он решил ответить мне. Я просто написала ему от отчаяния, потому что нигде о нем нет информации . книги. Единственная причина, по которой я знаю, это то, что профессор Грейнджер рассказал мне сразу после того, как я получил свою палочку. Они даже не говорят нам о дементорах, охраняющих Азкабан. Я нашел это самостоятельно. Я решил пойти прямо к источнику, потому что это очевидно, что никто из вас не скажет правды». Глаза Кортни расширились, когда она поняла, что только что сказала учителю.

Профессор Блэк, немного покраснев, обдумал ее слова и медленно кивнул. Затем он прочистил горло: «Я больше никому не скажу, мисс Барнс. Если у вас есть какие-либо вопросы, вы можете задать их мне. Я обещаю вам, что скажу вам правду. Если Гарри пишет вам, я не сомневаюсь. он все равно все расскажет. И, — он взял лист пергамента и начал писать на нем, — это книги с некоторыми конкретными ссылками на Гарри, содержащие информацию, которую, я не уверен, знает сам Гарри. В моей картотеке в моем кабинете есть коллекция газет того периода, которых, как мне известно, нет ни в библиотеке, ни в издательстве. Если вы зайдете ко мне в офис в субботу, я разрешу вам их просмотреть».

Он вручил ей список, который он написал, а затем открыл ящик и достал письмо. Какое-то время он с тоской смотрел на него, а затем вернул ей.

«Мисс Барнс, — теперь его голос был наполнен эмоциями, — я любил Гарри, и он мне доверял. предал его доверие, я предал его любовь ко мне, я предал любовь, которую я имел к нему, я предал доверие, которое его родители возложили на меня, Гарри был всей моей жизнью в то время, и я оттолкнула его, не задумываясь. По какой-то причине он доверяет вам, мисс Барнс. Берегите это доверие.

Он прочистил горло: «Я сообщу профессору МакГонагалл, почему вы сегодня пропустили ее урок. Просто убедитесь, что вы получили задание. Дайте мне знать, когда вы захотите прийти в мой кабинет. Желаю вам удачи». с этим проектом, мисс Барнс. Многим не понравится то, что вы узнаете, но я, например, горжусь вами».

Кортни кивнула и ушла, сунув список в сумку вместе с письмом. Поскольку профессор Блэк, по-видимому, освобождал ее от занятий Трансфигурацией в тот день, она направилась на башню, чтобы продолжить чтение.

Ей потребовался почти час, чтобы закончить письмо. К тому времени занятия закончились, и время обеда уже подходило к концу. Когда она, наконец, сложила письмо и изучила остальное содержимое конверта, до следующего урока у нее оставалось всего двадцать минут.

Первое, что она вытащила, была вырезка из вечернего выпуска «Ежедневного пророка», в которой говорилось о летающей машине, которую Рон и Гарри брали в школу во второй год

обучения.

Потом были картинки. В этом было довольно много. Там был отец Анжелы, отпрыгивающий слизнями, Гарри с бескостной рукой, дневник, который достают из лужи красных чернил, и групповой снимок Гарри, Рона, Гермионы, Хагрида и Джинни, все второкурсники. С третьего курса их было еще больше. Фотография Гарри, гордо летящего на своей Молнии, одна с Хагридом и Клювоткрылом, профессор Люпин, изгоняющий какой-то предмет, Дракучая Ива, размахивающая своими ветвями, пока кошка не нырнула под нее, не ударила по узлу и не заморозила его, Рождественское утро, когда все улыбаются и машут руками в Уизли. свитера, а Рон отчаянно прыгает, пытаясь поймать свою сову в купе поезда.

Там было первое письмо, которое Гарри получил от Сириуса, а также подписанное им разрешение на посещение Хогсмйда.

Кортни торопливо вложила все фотографии обратно в конверт, сложила все в сумку и побежала, чтобы присоединиться к остальным однокурсникам по Зельям.

Двойные зелья в тот день, казалось, тянулись вечность. Ей удалось полностью испортить свое зелье (правда, котел она не растопила, слава богу) и получить ноль за день, но ей было все равно, потому что она только что вспомнила посылку, которая пришла с письмом ночью. до. Когда занятия закончились, она побежала обратно в свою спальню и открыла пакет, прежде чем кто-либо успел ее потревожить.

Из него выскользнула гладкая серебристая мантия-невидимка.

<http://tl.rulate.ru/book/74976/2109767>